

«ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ 2.0»: КАК НКО СТАНОВЯТСЯ ЕЕ ЛИЦОМ

НИЯЗОВА Галина Юрьевна

кандидат политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: g.niyazova@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-8549-2013

ВОЙЦЕХОВСКАЯ Анастасия Валентиновна

студент, Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: voytsekhovskaya_05@mail.ru

ORCID: 0009-0005-5775-8757

Для цитирования: Ниязова Г.Ю., Войцеховская А.В. «Публичная дипломатия 2.0»: как НКО становятся ее лицом // Ближний и Постсоветский Восток. – 2026. – № 1 (13). – С. 94–105. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.06.

Аннотация. В статье исследуется трансформация публичной дипломатии в эпоху цифровизации, получившая условное название «публичная дипломатия 2.0». Анализируется ключевая роль неправительственных организаций (НКО) в качестве акторов этой новой формы «мягкой силы». Цель работы – выявить механизмы и оценить последствия усиления влияния НКО на международную коммуникацию. На конкретных примерах (The British Council, «Русский мир», Al Jazeera и др.) показывается, как НКО, благодаря своей гибкости, экспертизе, сетевой структуре и способности формировать публичные нарративы, становятся лицом современной публичной дипломатии, оказывая значительное влияние на международные отношения. Статья также рассматривает двойственную природу этого феномена, включая связанные с ним вызовы и риски, такие как вопросы легитимности, непрозрачного финансирования, а также использование структур НКО для финансирования терроризма и отмывания денег. Делается вывод о необходимости нахождения баланса между использованием возможностей публичной дипломатии 2.0 и минимизацией сопутствующих рисков через международное сотрудничество и регулирование.

Ключевые слова: публичная дипломатия, «мягкая сила», НКО, международные отношения, гражданское общество, международная коммуникация, цифровая дипломатия.

“Public Diplomacy 2.0”: How NGOs Become Its Face

Galina Yu. NIYAZOVA

PhD in Politics, Associate Professor, Saint Petersburg State University

E-mail: g.niyazova@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-8549-2013

Anastasiia V. VOYTSEKHOVSKAYA

Student, Saint Petersburg State University

E-mail: voytsekhovskaya_05@mail.ru

ORCID: 0009-0005-5775-8757

For citation: Niyazova G. Yu., Voytsekhovskaya A.V. (2026). “Public Diplomacy 2.0”: How NGOs Become Its Face. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (13), pp. 94–105. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.06.

Abstract. The article examines the transformation of public diplomacy in the era of digitalization, conventionally called “Public Diplomacy 2.0”. It analyzes the key role of non-governmental organizations (NGOs) as actors of this new form of “soft power”. The aim of the work is to identify the mechanisms and assess the consequences of the growing influence of NGOs on international communication. Using specific examples (The British Council, “Russkiy Mir”, Al Jazeera, etc.), it is shown how NGOs, due to their flexibility, expertise, network structure, and ability to shape public narratives, become the face of modern public diplomacy, significantly influencing international relations. The article also considers the dual nature of this phenomenon, including associated challenges and risks, such as issues of legitimacy, opaque funding, and the use of NGO structures to finance terrorism and money laundering. The conclusion is made about the need to find a balance between using the opportunities of Public Diplomacy 2.0 and minimizing the associated risks through international cooperation and regulation.

Keywords: public diplomacy, soft power, NGOs, international relations, civil society, international communication, digital diplomacy.

Классическая концепция «мягкой силы» (soft power), введенная Джозефом Наем, подразумевает способность государства добиваться желаемых результатов в международной политике через привлекательность своей культуры, политических ценностей и внешней политики, а не с помощью принуждения (hard power)¹. Традиционно главным инструментом реализации «мягкой силы» была публичная дипломатия, понимаемая как целенаправленное коммуникативное воздействие правительства на иностранную общественность для продвижения национальных интересов.

Однако в XXI в., с распространением Интернета и социальных сетей, монополия государств на международную коммуникацию была подорвана.

¹ Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – New York: Public Affairs, 2004. – P. 191.

На смену «вертикальной» модели публичной дипломатии, где государство через свои институты обращалось к зарубежной аудитории, пришла сетевая, горизонтальная модель – «Публичная дипломатия 2.0». Эта модель характеризуется децентрализацией, интерактивностью, мультиакторностью и высокой скоростью распространения информации. В новом политическом ландшафте неправительственные организации (НКО) утвердились в качестве ключевых агентов «мягкой силы», эволюционировав от пассивных объектов политики в самостоятельных игроках. Сегодня они напрямую формируют международную повестку, воздействуют на общественные настроения и, как следствие, на дипломатические позиции правительств. Цель данной статьи – проанализировать, каким образом НКО становятся «лицом» публичной дипломатии 2.0, и оценить последствия этого феномена для современной системы международных отношений.

Понятие «публичная дипломатия 2.0» было введено в научный и политический лексикон в 2008 г. заместителем госсекретаря США Джеймсом Глассманом. Чиновник охарактеризовал его как инновационную стратегию в рамках публичной дипломатии, направленную на использование цифровых платформ – социальных сетей, блогов и мобильных приложений – для решения ключевых внешнеполитических задач Вашингтона, в частности для противодействия распространению террористической идеологии². Тем не менее системное теоретическое осмысление этой концепции связано с именем ведущего американского специалиста по публичной дипломатии Николаса Дж. Калла. Именно он предложил содержательную типологию, разделив всю дипломатическую деятельность США в цифровой среде (digital diplomacy) на две принципиально различные модели – «публичную дипломатию 1.0» и «публичную дипломатию 2.0». Критерием для такого разделения послужил технологический базис: первая опирается на односторонние каналы коммуникации Web 1.0, тогда как вторая использует интерактивные возможности и сетевую логику Web 2.0³.

Как отмечает Калл, термин «публичная дипломатия 2.0», подобно самому понятию Web 2.0, не имеет строгого общепринятого определения. Тем не менее исследователь выделяет три его фундаментальных принципа, которые отличают его от традиционных форм дипломатической коммуникации⁴. Во-первых, это способность технологий выступать ката-

² Glassman J.K. Public Diplomacy 2.0: A New Approach to Global Engagement // U.S. Department of State. – 01.12.2008. – URL: <https://2001-2009.state.gov/r/us/2008/112605.htm> (дата обращения: 12.10.2025).

³ Cull N.J. Public Diplomacy: Lessons from the Past // Figueroa Press. – 2009. – URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/useruploads/u35361/2009%20Paper%20No%2012%20-%20Cull%20-%20Lessons%20from%20the%20Past.pdf> (дата обращения: 25.09.2025).

⁴ Cull N.J. Public Diplomacy 2.0: An Argument // CPD Blog. – 2011. – URL: https://uscpublicdiplomacy.org/blog/public_diplomacy_20_an_argument (дата обращения: 20.09.2025).

лизатором установления социальных связей и формирования устойчивых онлайн-сообществ, что переводит дипломатию из плоскости монолога в плоскость диалога. Во-вторых, это критическая зависимость от пользовательского контента – от простых отзывов и комментариев в блогах до сложных форм творчества, таких как видеоролики и цифровые коллажи (мэшапы). В-третьих, и это, пожалуй, ключевое отличие, это переход от вертикальных, иерархических моделей распространения информации, характерных для эпохи 1.0, к горизонтальным, сетевым структурам, основанным на равноправном партнерском обмене.

Свидетельством особой мощи публичной дипломатии 2.0 является, по мнению Калла, ее универсальность: она предлагает новые эффективные инструменты для всех пяти основных направлений традиционной публичной дипломатии. К ним относится: изучение общественного мнения (Listening), поскольку она предоставляет механизмы для обратной связи в виде комментариев, твитов, лайков, а также позволяет отслеживать цитирование и распространение идей в цифровой среде; информационное воздействие (Advocacy), так как ее каналы могут быть использованы для целенаправленного продвижения определенной точки зрения; культурная дипломатия, поскольку она служит как каналом трансляции культурного продукта, так и сама является формой цифровой культуры. Международное вещание, так как она облегчает кросс-границное распространение новостей и предлагает новую платформу для традиционных вещательных корпораций; обмены (Exchanges), что является наиболее органичным для нее применением, поскольку она, подобно программам обмена, работает через развитие межличностных связей и сетей⁵.

В условиях трансформации международных отношений и перехода к модели «публичной дипломатии 2.0» именно неправительственные организации демонстрируют эффективность в качестве проводников «мягкой силы». В современной мировой политике установление отношений может происходить даже без какого-либо государственного участия. Например, некоммерческие организации из одной страны могут устанавливать связи с НКО в другой стране. В более общем смысле, публичные политические действия предпринимаются по всему миру различными элементами международного гражданского общества⁶. Их конкурентные преимущества перед традиционными государственными акторами особенно ярко проявляются в цифровой среде, где доверие и аутентичность становятся ключевыми рычагами влияния.

⁵ Cull N.J. Public Diplomacy: Foundations for Global Engagement in the Digital Age. – Cambridge: Polity Press, 2019. – P. 218.

⁶ Melissen J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice // The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations / ed. by J. Melissen. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – P. 3–27.

Ключевое преимущество НКО заключается в том, что зачастую данные организации воспринимаются в качестве независимых институтов, которые не контролируются государством. В отличие от правительственных ведомств, чьи заявления часто априори рассматриваются как проявление пропаганды, НКО обладают «аурой непредвзятости», что значительно повышает доверие к их сообщениям среди иностранной аудитории. Эмпирические исследования подтверждают этот тезис. Согласно данным глобального исследования Edelman Trust Barometer (2023), уровень доверия к НКО стабильно превышает показатели доверия к правительствам и бизнес-структурам в большинстве регионов мира⁷. Например, в Европе 56% респондентов выражают доверие НКО, тогда как правительствам доверяют лишь 43% опрошенных. Эта «премия доверия» создает уникальные возможности для продвижения ценностей и идей, которые, будучи озвученными официальными представителями государств, могли бы быть встречены скептически.

Механизм работы этого парадокса можно проиллюстрировать на примере экологических организаций. Когда Гринпис публикует отчет о климатических изменениях, он воспринимается как экспертное мнение гражданского общества. Однако аналогичный отчет, выпущенный дипломатическим ведомством страны, часто рассматривается через призму национальных интересов этого государства, что снижает его убедительность для иностранной аудитории. Примечательно, что это преимущество сохраняется даже в случаях, когда НКО получают финансирование от государственных структур. Как показывает практика немецких политических фондов (таких как Фонд им. Фридриха Эберта* или Фонд им. Конрада Аденауэра*), их тесные связи с правительством Германии не препятствуют успешной реализации образовательных и демократических программ в других странах⁸.

Различные страны выработали уникальные модели использования некоммерческих организаций для продвижения своих интересов за рубежом. Великобритания демонстрирует классический пример долгосрочных инвестиций в инструменты «мягкой силы» через The British Council (признан нежелательной организацией на территории РФ). The British Council, работающий более чем в 100 странах мира, является одним из самых масштабных и влиятельных операторов в сфере культурной дипломатии⁹. Его деятельность по формированию прочных культурных и об-

⁷ Edelman Trust Barometer 2023: Global Report // Edelman. – 2023. – URL: <https://www.edelman.com/trust/2023/trust-barometer> (дата обращения: 16.10.2025).

⁸ Паталонг Л. Работа политических фондов за рубежом как инструмент немецкой внешней политики. Patalong L. Die Arbeit der politischen Stiftungen im Ausland als Instrument deutscher Außenpolitik. – Berlin: Springer VS, 2017. – 67 S. – Немец. яз.

⁹ British Council Annual Report 2021–2022 // British Council. – 2022. – URL: <https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/annual-report-2021-2022.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

разовательных связей способствует созданию позитивного восприятия Великобритании в глобальном масштабе. Популярность организации подтверждается значительными количественными показателями: по последним данным, British Council ежегодно обучает английскому языку более 100 миллионов человек, а экзамены, проводимые советом, ежегодно сдают более трех миллионов кандидатов¹⁰. Кроме того, его образовательные программы и международные проекты в области искусств охватывают аудиторию в десятки миллионов человек по всему миру¹¹. Эффективность этой работы подтверждается академическими исследованиями. Согласно данным исследований, студенты и участники программ The British Council демонстрируют значительно более высокий уровень лояльности по отношению к британским политическим и общественным институтам. Одно из таких исследований указывает, что в среднем этот показатель может быть выше на 30% по сравнению с контрольными группами, не вовлеченными в его деятельность¹². В связи с этим позиция официальных властей Российской Федерации в отношении организации носит однозначный характер. Как заявили в Генеральной прокуратуре РФ: «Принято решение о признании деятельности международной организации The British Council нежелательной в Российской Федерации»¹³. В ведомстве пояснили, что, «позиционируя себя независимой структурой, всю работу совет выстраивает в соответствии с приоритетами правительства Великобритании, она подотчетна парламенту и финансируется внешнеполитическим ведомством этой страны». В Генпрокуратуре подчеркнули, что «прикрываясь образовательной и культурной деятельностью... участники совета продвигают долгосрочные британские интересы и ценности»¹⁴.

Несмотря на официальную позицию Российской Федерации, признавшей деятельность организации нежелательной, глобальное присутствие и востребованность The British Council остаются чрезвычайно высокими, особенно в странах постсоветского пространства, где его услуги в области образования и изучения языка продолжают пользоваться устойчивым спросом.

Катар представляет интересный пример использования медийных ресурсов через телеканал Al Jazeera. Создавая альтернативный западным СМИ нарратив о событиях на Ближнем Востоке, Катар укрепляет свой

¹⁰ Our Organisation // British Council. – URL: <https://www.britishcouncil.org/about-us/our-organisation> (дата обращения: 01.10.2025).

¹¹ British Council Arts // British Council. – URL: <https://www.britishcouncil.org/arts> (дата обращения: 15.10.2025).

¹² Pamment J. British Public Diplomacy and Soft Power: Diplomatic Influence and the Digital Revolution. – Cham: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 312.

¹³ Генпрокуратура признала нежелательной деятельность British Council в России // ТАСС. – 2023. – URL: <https://tass.ru/politika/24142665> (дата обращения: 14.09.2025).

¹⁴ Там же.

статус регионального лидера и формирует благоприятный образ в арабском мире. Стратегия Катар нацелена на превращение страны в глобальный центр информации и культуры. Его главным инструментом является медиасеть «Аль-Джазира». Запущенный в 1996 г. на государственные средства, этот канал произвел революцию в арабских СМИ, предложив некогда неслыханные в регионе новости без цензуры. Это позволило Катару не только определять медийную повестку, особенно в период «арабской весны», но и стать ключевым игроком в формировании общественного мнения.

Российская Федерация активно использует разветвленную сеть специализированных организаций для продвижения своих интересов и формирования позитивного образа страны за рубежом через гуманитарные и культурные каналы. Среди наиболее значимых акторов этой политики – Фонд «Русский мир», Россотрудничество, Российский фонд мира и Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. Фонд «Русский мир», созданный в 2007 г. для популяризации русского языка и культуры, поддерживает более 250 русских центров в 80 странах мира¹⁵. Например, в Сербии фонд ежегодно организует «Дни Русского мира», включающие фестивали российского кино, выставки и научные конференции, которые посещают более 10 тыс. человек. Особое внимание уделяется поддержке русскоязычных школ в странах СНГ – только в Казахстане фонд обеспечивает методической литературой 152 школы с русским языком обучения¹⁶.

Азербайджан эффективно использует сеть некоммерческих организаций для продвижения своих внешнеполитических интересов и формирования позитивного международного имиджа. Ключевым элементом этой стратегии является Азербайджанское общество Красного Полумесяца (АОКП), которое, оставаясь в рамках международного гуманитарного права, реализует значимые проекты, укрепляющие позиции страны на мировой арене. Деятельность АОКП включает не только предоставление гуманитарной помощи, но и системную работу по мобилизации международной поддержки позиции Азербайджана по ключевым вопросам, таким как карабахский конфликт. В 2023 г. организация координировала помощь для более чем 100 тыс. вынужденных переселенцев, демонстрируя способность Азербайджана самостоятельно решать сложные гуманитарные задачи.

Весьма специфические условия деятельности НКО сложились в Туркменистане, где установлен жесткий контроль за деятельностью всех НКО, и особенно иностранных НКО и НКО с иностранным участием и (или) иностранным финансированием. Но это не значит, что в страну не

¹⁵ О Фонде // Фонд «Русский мир». – URL: <https://russkiymir.ru/fund/> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁶ Там же.

поступает иностранное финансирование, которое поступает по многим программам ООН, от международных организаций и правительств зарубежных стран. Агентство США по международному развитию (USAID) начало свою деятельность в Туркменистане в 1992 г. и нацелено на развитие социальных услуг, расширение доступа к информации, развитие рыночной экономики и сельского хозяйства. USAID тесно сотрудничает с министерствами, государственными организациями, частными компаниями и местными сообществами с целью создания рабочих мест, повышения доходов, повышения профессиональной квалификации и улучшения управления ресурсами.

Невозможно не отметить негативные аспекты влияния НКО на мировое сообщество. Не стоит полностью идеализировать роль НКО, ведь к ним относятся далеко не только организации гуманитарной направленности, но и структуры, которые негативно влияют на мировое сообщество и могут подорвать международную стабильность.

В современной международной практике наблюдается тенденция использования некоммерческих организаций (НКО) в качестве инструмента финансирования террористической деятельности. Данный феномен представляет серьезную угрозу международной безопасности в силу специфических характеристик сектора НКО, включая гибкость организационных структур, глобальный масштаб деятельности и ограниченный контроль за финансовыми потоками. Как отмечают Андропова И.В., Гусаков Н.П. и Завьялова Е.Б., «доказать причастность такой организации крайне сложно, так как средства, направленные на финансирование террористов, трудно отделить от других средств, находящихся в управлении этой же некоммерческой организации»¹⁷.

С развитием технологий публичной дипломатии 2.0 террористические организации адаптируют методы использования НКО к новым реалиям. Один из наиболее распространенных аспектов – создание фиктивных благотворительных организаций, которые под прикрытием легальной деятельности осуществляют сбор и перераспределение средств в пользу террористических группировок¹⁸. Классическим примером может служить случай с фондом «Благотворительность Аль-Харамейн», который под видом гуманитарной деятельности в различных регионах мира фактически финансировал деятельность «Аль-Каиды». Эксперты ФАТФ отмечают, что «серьезную озабоченность мирового сообщества вызывает

¹⁷ Андропова И.В., Гусаков Н.П., Завьялова Е.Б. Финансирование терроризма через некоммерческие организации: международный опыт противодействия // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – Т. 13, № 5. – С. 123–145.

¹⁸ Elgizuli A.M.M. Role of Economic Sanctions in Undermining Terrorism Financing (Analysis of the Impact of Financial Sanctions) // Terrorism Issues. – 2025. – P. 3–4.

тенденция к использованию некоммерческих организаций в целях направления средств на финансирование террористической деятельности»¹⁹.

Значительные сложности возникают в связи с эксплуатацией организациями пробелов в национальных правовых системах и расхождений в юрисдикциях. Они выстраивают сложные многоуровневые структуры, маскируя противоправную деятельность под легальную благотворительность, а глобальный масштаб деятельности многих НКО усугубляет эту проблему. В регионах с нестабильной политической обстановкой недостаточность межгосударственного регуляторного контроля позволяет террористическим группам использовать инфраструктуру таких организаций для перемещения средств. Стоит отметить, что в некоторых странах практически отсутствуют применимые законы и нормативные акты, что облегчает создание таких некоммерческих организаций.

Параллельно с легитимными формами взаимодействия существует и деструктивный сегмент неправительственного сотрудничества, который развивается между террористическими группировками, преступными синдикатами, наркоторговцами и повстанческими движениями. Развитие теневых маркетплейсов в даркнете и распространение анонимных браузеров, таких как Tor, создали благоприятную среду для масштабной киберпреступности и отмывания средств. Ярким примером служит русскоязычная платформа Hydra, которая до своей ликвидации была крупнейшим в мире даркнет-рынком с ежегодным оборотом около 1 млрд долларов. Особую озабоченность вызывает то, что легальные структуры, в частности НКО, в силу своего статуса и наличия кросс-границных финансовых потоков, могут быть непреднамеренно или умышленно вовлечены в схемы по легализации этих средств.

Эти вызовы напрямую пересекаются с дилеммами публичной дипломатии 2.0. Ее децентрализованная и анонимная природа может быть использована в деструктивных целях. Перед государствами, таким образом, стоит сложнейшая двуединая задача: сохранить конкурентные преимущества и открытость публичной дипломатии 2.0, одновременно минимизируя риски злоупотребления как цифровых платформ, так и неправительственного сектора.

Для решения этой задачи необходим сбалансированный, многоуровневый подход, сочетающий технологические инновации с международным сотрудничеством²⁰. Например, усиление финансового мониторинга с применением передовых технологий: речь идет о внедрении систем на

¹⁹ Elgizuli A.M.M. Role of Economic Sanctions in Undermining Terrorism Financing (Analysis of the Impact of Financial Sanctions) // Terrorism Issues. – 2025. – P. 4–8.

²⁰ Financial Action Task Force (FATF). Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. – 28.10.2021. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-virtual-assets-2021.html> (дата обращения: 20.09.2025).

основе Big Data и искусственного интеллекта для анализа транзакционных данных НКО в режиме, близком к реальному времени для выявления аномалий²¹.

Развитие международных стандартов регулирования: инициативы таких структур, как ФАТФ, должны быть расширены и адаптированы к новым реалиям, включая регулирование криптовалютных пожертвований²².

Создание многосторонних механизмов прозрачности. Это может включать в себя создание международных реестров бенефициарных владельцев НКО и развитие систем информационного обмена между финансовыми разведками.

Реализация образовательных программ. Ключевым элементом защиты является повышение осведомленности доноров, руководителей и сотрудников НКО о признаках злонамеренной поддержки.

Публичная дипломатия 2.0 стала закономерным развитием идей «новой публичной дипломатии», найдя в технологиях Web 2.0 идеальное средство для их реализации. Неправительственные организации, благодаря своей гибкости, экспертизе, сетевой структуре и высокому уровню доверия, становятся новым «лицом» публичной дипломатии. Они формируют глобальную повестку, влияют на общественное мнение и опосредованно – на решения правительств. Однако этот тренд имеет двойственную природу. С одной стороны, он демократизирует международные отношения, давая голос гражданскому обществу. С другой – порождает новые риски, связанные с эрозией государственного суверенитета, использованием гуманитарных риторик в качестве прикрытия для геополитических игр, а также откровенно криминальными угрозами, такими как финансирование терроризма и отмывание денег через структуры НКО.

Таким образом, будущее публичной дипломатии лежит в нахождении тонкого баланса. Необходимо сохранить открытость, интерактивность и сетевой потенциал публичной дипломатии 2.0, одновременно выработав эффективные международные механизмы для минимизации связанных с ней рисков. Только такой комплексный подход позволит использовать возможности цифровой эпохи для построения диалога и сотрудничества, не жертвуя при этом безопасностью и стабильностью.

** Организация, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.*

²¹ World Bank. Risk Assessment of the Non-Profit Organization Sector. – Washington, D.C.: World Bank, 2019. – P. 95. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/31649> (дата обращения: 05.09.2025).

²² Financial Action Task Force (FATF). Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. – 28.10.2021. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-virtual-assets-2021.html> (дата обращения: 20.09.2025).

Список источников и литературы

1. Андропова И.В., Гусаков Н.П., Завьялова Е.Б. Финансирование терроризма через некоммерческие организации: международный опыт противодействия // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – Т. 13, № 5. – С. 123–145.
2. Генпрокуратура признала нежелательной деятельность British Council в России // ТАСС. – 2023. – URL: <https://tass.ru/politika/24142665> (дата обращения: 14.09.2025).
3. О Фонде // Фонд «Русский мир». – URL: <https://russkiymir.ru/fund/> (дата обращения: 01.09.2025).
4. British Council Annual Report 2021–2022 // British Council. – 2022. – URL: <https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/annual-report-2021-2022.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).
5. British Council Arts // British Council. – URL: <https://www.britishcouncil.org/arts> (дата обращения: 15.10.2025).
6. Cull N.J. Public Diplomacy 2.0: An Argument // CPD Blog. – 2011. – URL: https://uscpublicdiplomacy.org/blog/public_diplomacy_20_an_argument (дата обращения: 20.09.2025).
7. Cull N.J. Public Diplomacy: Foundations for Global Engagement in the Digital Age. – Cambridge: Polity Press, 2019. – P. 218.
8. Cull N.J. Public Diplomacy: Lessons from the Past // Figueroa Press. – 2009. – URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/useruploads/u35361/2009%20Paper%20No%2012%20-%20Cull%20-%20Lessons%20from%20the%20Past.pdf> (дата обращения: 25.09.2025).
9. Edelman Trust Barometer 2023: Global Report // Edelman. – 2023. – URL: <https://www.edelman.com/trust/2023/trust-barometer> (дата обращения: 16.10.2025).
10. Elgizuli A.M.M. Role of Economic Sanctions in Undermining Terrorism Financing (Analysis of the Impact of Financial Sanctions) // Terrorism Issues. – 2025. – 14 p.
11. Financial Action Task Force (FATF). Terrorist Financing. – 2023. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/themes/terrorist-financing/> (дата обращения: 05.10.2025).
12. Financial Action Task Force (FATF). Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. – 28.10.2021. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-virtual-assets-2021.html> (дата обращения: 20.09.2025).
13. Glassman J.K. Public Diplomacy 2.0: A New Approach to Global Engagement // U.S. Department of State. – 01.12.2008. – URL: <https://2001-2009.state.gov/r/us/2008/112605.htm> (дата обращения: 12.10.2025).
14. Melissen J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice // The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations / ed. by Melissen J. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – P. 3–27.
15. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 191 p.
16. Nye J.S. The Future of Power. – New York: Public Affairs, 2011. – 322 p.

17. Our Organisation // British Council. – URL: <https://www.britishcouncil.org/about-us/our-organisation> (дата обращения: 01.10.2025).
18. Pamment J. British Public Diplomacy and Soft Power: Diplomatic Influence and the Digital Revolution. – Cham: Palgrave Macmillan, 2016. – 312 p.
19. U.S. Department of the Treasury. Treasury Takes Robust Actions to Counter Ransomware // U.S. Department of the Treasury. – 21.09.2021. – URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0364> (дата обращения: 03.10.2025).
20. World Bank. Risk Assessment of the Non-Profit Organization Sector. – Washington, D.C.: World Bank, 2019. – P. 95. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/31649> (дата обращения: 05.09.2025).
21. Zayani M. Networked Publics and Digital Contention: The Politics of Everyday Life in Tunisia. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 256 p.
22. Паталонг Л. Работа политических фондов за рубежом как инструмент немецкой внешней политики. Patalong L. Die Arbeit der politischen Stiftungen im Ausland als Instrument deutscher Außenpolitik. – Berlin: Springer VS, 2017. – 67 S. – Немец. яз.